

CLUB FIRST FUTURE

закрытый бизнес-клуб
для предпринимателей
и топ-менеджеров

Виктор Львов
Президент ClubFirstFuture
Владелец РТФ-Групп
• тендеры

Леся Черменина
СЕО ООО «Трай Стор»
• импорт

Артем Зуев
Директор IT АвтоВАЗ
• инновации

Александр Банченко
Директор в B19.Fund
• инвестиции

Даниил Максимов
Владелец Дельта-Строй
• строительство

Илья Будишевский
Основатель BudiGroup
• инфраструктура

Оник Хачикян
Founder LIST
• маркетинг

Светлана Василенко
Сооснователь
Context Machine
• архитектура

Валерия Барашкова
Сооснователь
AeroSpaceCapital
• космос

- Поддержка экосистемы из 1000+ предпринимателей
- Инвестиции ● Менторы с годовым оборотом ₹5 млрд
- Личный совет директоров ● Развитие в кругу равных
- Совместные путешествия ● Сильное окружение
- Спикеры из Forbes ● Взаимопомощь

Созидай. Входновляй. Побеждай.
Будь среди Первых.

Сканируй, здесь
тебя ждёт рост

Истра.рф

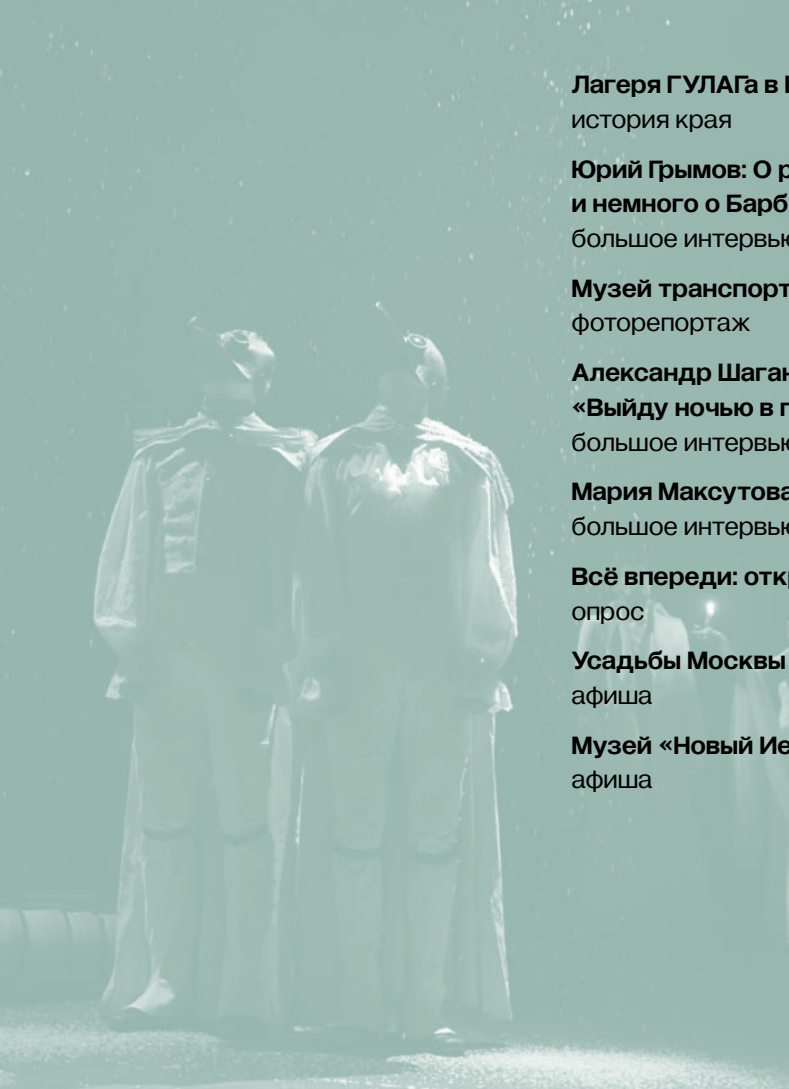
4(67)

истра.рф №4 (67)

Режиссёр Юрий Грымов — о рекламе и
Большом Кино. Поэт-песенник Александр
Шаганов — о непростом пути и творчестве.
Генеалог-исследователь Мария
Максимова — о поисках предков
и семейных корнях.

4 6 2 7 1 2 8 1 8 2 0 0 1 1

Лагеря ГУЛАГа в Истре история края	2
Юрий Грымов: О рекламе, Большом Кино и немного о Барби большое интервью	22
Музей транспорта Москвы: портал в прошлое фоторепортаж	36
Александр Шаганов: «Выйду ночью в поле с конём...» большое интервью	54
Мария Максимова: Под кроной семейного древа большое интервью	64
Всё впереди: открытия, которых мы очень ждём опрос	78
Усадьбы Москвы афиша	84
Музей «Новый Иерусалим» афиша	88

Учредитель
ООО «Истранет»
Главный редактор
Алла Анатольевна Яценко
Дизайн-макет и вёрстка
Дарья Браженко
Екатерина
Даугель-Дауге
Вёрстка
Светлана Дударчик
Цветокоррекция
Виктор Тишаков
Редактор
Оксана Чибисова
Обозреватели
Наталья Мезинова
Сергей Мамаев
Илья Воробьёв
Елизавета Макеева
Екатерина Харитоновна
Дмитрий Тарасов
Анастасия Яценко
Феодосия Маникина
Фотограф
Дмитрий Лукьянов

Полный архив журнала
«Истра.РФ» ищите на сайте
Истра.РФ/news/jurnal
Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 50-01967 СМИ
ИСТРА.РФ от 31 марта
2014 г. Выдано Управлением
Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных техно-
логий и массовых коммуни-
каций по Центральному
федеральному округу.
Адрес издателя и редакции:
МО, г. Истра, ул. Ленина, д. 75
телефон: +7 (49831) 3-17-74
e-mail: 4440033@mail.ru

Отпечатано:
ООО «Печатный дом
Ильиных» 143581, МО,
Красногорский район,
р.п. Нахабино,
ул. Советская, д. 86
телефон:
+7 (903) 743-46-95
Тираж 2500
Выход в свет 02.08.2024
Распространяется
бесплатно

Юрий

Грымов

О

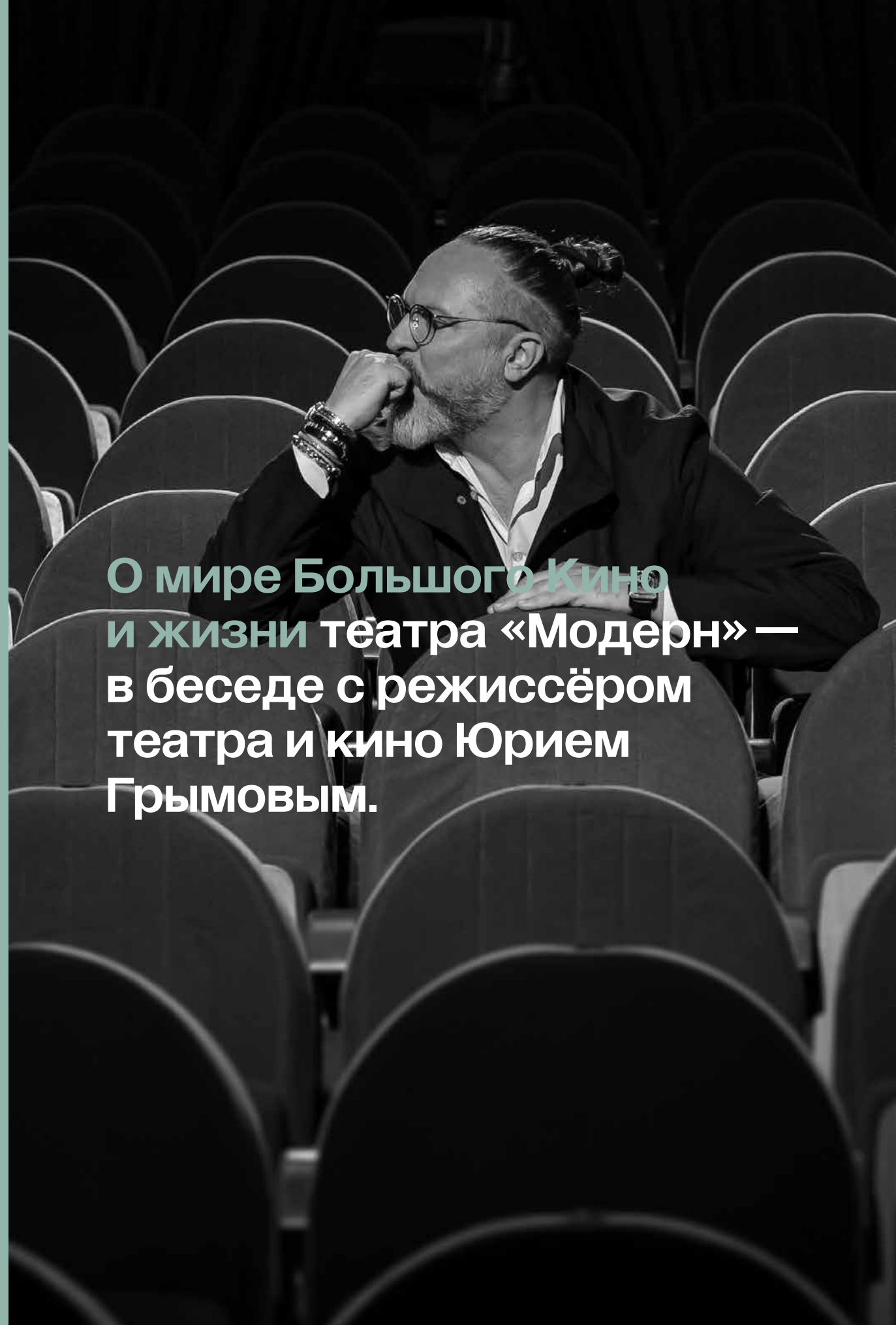
рекламе,
Большом
Кино
и немного
о Барби

беседовала

Наталья

Мезинова

22

О мире Большого Кино
и жизни театра «Модерн» —
в беседе с режиссёром
театра и кино Юрием
Грымовым.

Юрий Вячеславович, кажется, что Вы с лёгкостью меняете профессии, и везде Вас поджидает успех. Есть ли какая-то особая стратегия творческого развития?

Я никогда не ставил перед собой определённых задач. То, чем я занимался — реклама, телевидение, кино, шоу-бизнес, издательская деятельность, — на это как-то выводила сама судьба. Десять лет назад я в каждом интервью говорил, что меня привлекает только кино. Двадцать лет назад звучали слова: только реклама. Тридцать лет назад, будучи сотрудником конструкторского бюро завода «Москвич», я даже в мыслях не держал, что стану режиссёром, даже не знал, что это за профессия. Я не стремился куда-то дальше, меня всё устраивало. Все профессии так или иначе связаны с карьерным ростом и, как следствие, с ограничениями. А я не люблю загонять себя в рамки, меня это никогда не интересовало.

Карьера не интересовала?

Да. В детстве я вообще мечтал стать каменщиком. Я всегда занимался тем, что нравится, в основном — в творческом направлении. И никогда не занимался проектами ради денег.

Да? А что произошло в жизни, что Вы решили не ставить деньги приоритетом?

Переломным можно считать момент в 14 лет, когда я уговорил родителей выделить мне сто рублей на джинсы. Сейчас мало кто поймёт, что в те времена это была дефицитная вещь, которую можно было приобрести только с рук. Жили мы небогато, но я убедил родителей, что без джинсов нельзя, и радостно отнёс деньги перекупщику. Эти джинсы жду до сих пор. С тех пор я стал по-другому относиться к деньгам и всему, что с ними связано, появилась ответственность за принятые решения.

В 90-е Вы занимались рекламными проектами, снимали видеоклипы. Как пришли в бизнес?

В бизнес я пришёл после армии, устроился манекенщиком к Славе Зайцеву. Конечно, интерес был больше к прекрасной половине человечества, чем к подиуму. Но свой стартовый опыт в рекламе и театре я приобрёл именно там. Раньше подиум был Театром Моды. Это сейчас, как говорил Слава, там «дрейфующие вешалки». А раньше всё организовывалось с творческим уклоном, репетиции, постановки — я быстро втянулся и познал азы. Параллельно закончил институт, получил образование культуролога.

Потом меня пригласили в Америку поставить фэшн-шоу. Я не обратил внимания, что контракт был составлен без учёта моего бытового райдера, поэтому пришлось жить в комнате без окон, воды и еды. Но когда случился успех, у меня увеличилась жилплощадь, мне даже поставили кондиционер. Предложили остаться, но я вернулся в Москву. Это было время, когда страна распалась, всё стало меняться, появились новые возможности и потребности. И я стал заниматься рекламой и видеоклипами — тем, на что был запрос и где я мог стать полезным.

Вообще, я считаю это полезным навыком — быть полезным. Понимание того, что ты не пуп земли, надо прививать

Феномен театра, в отличие от кино, в том, что нельзя вычислить ядро аудитории. В тёмном зале на спектакле могут сидеть 16-летняя девушка, женщина 60 лет, бедный студент и человек из рейтинга Форбс

ещё со школы. Однажды я устраивался на работу в крупное агентство, и мне понравилась фраза на собеседовании: «Мы не будем тебе платить деньги — мы дадим тебе возможность заработать». Я схватился за эту идею — и достиг высот. Когда-то я работал манекенщиком в клипе Валерия Леонтьева. Потом жизнь сложилась так, что я снимал для него музыкальные клипы. Когда-то я выносил на сцену для вручения статуэтки престижной кинематографической премии «Ника». А жизнь повернулась так, что уже мне вручали трижды «Нику» и я являюсь членом жюри премии. Такая ирония судьбы.

Несколько лет назад Вы объявили, что уходите из мира кино.

Но в одном из интервью писательнице Татьяне Устиновой сказали, что фильмы Кристофера Нолана «Оппенгеймер» и Греты Гервиг «Барби» вернули веру в Большое Кино. Что Вы имели в виду?

Семь лет назад я уходил из мира кино, потому что оно полностью было лишено Авторства. Я уходил с категоричным решением заниматься только театром, потому что театр сохранил Авторство и Художника, он таит в себе огромный потенциал, это интересно.

Я воспитан на советских кинофильмах, которые базировались на авторстве Художников. Тарковский, Михалков, Рязанов — они Авторы. Сейчас из кино исчез Художник. Я отсматриваю большое количество фильмов на премию «Ника», и сказать, что это катастрофа, — ничего не сказать. Я максимально объективен, но практически каждый проект у меня вызывает вопрос: «Зачем?» Например, мне не нравятся современные фильмы о войне, такие как «Т-34». Полнейший абсурд, когда в кадре пуля летит в замедленной съёмке. Пуля не летит — пуля убивает! Большая трагедия, а не приключенческий вестерн. И это беда не только российского кинопроизводства. Зарубежный кинорынок тоже в упадке, и, судя по количеству выпущенных совместно с другими странами проектов, американцы находятся в поиске.

В фильме «Оппенгеймер» я увидел Автора, там чувствуется позиция Художника. Я посмотрел фильм не просто как какую-то биографию о каком-то прекрасном человеке — я увидел отношение режиссёра к персонажу. И это сделано художественно, а не на потребу, чтобы повеселить зрителя, и преподнесено не в приятной оболочке, чтобы можно было быстро съесть. «Оппенгеймер» — Большое Кино, формат его сложный. И вдруг — такой мировой успех! Значит, люди соскучились по авторскому кино.

А «Барби»?

Это тоже большое художественное кино, где есть Автор. Я восхищён кинематографистами, которые так едко, так зло, иронично высказались по поводу культуры Америки. Человек, который способен посмеяться над собой, — живой. Он не может обидеться или обидеть. Зрители не сказали: «Ой, обидели пол-Америки, которая воспитывалась на Кенах и Барби». В фильме сатирически высветили тот негатив, который есть в американском обществе.

Как понять, что смотришь Автора, а не наедаешься «фастфудом»?

Надо посмотреть несколько фильмов режиссёра подряд, спокойно, вдумчиво, не отвлекаясь. Это как с книгой: её не надо читать параллельно с другими книгами.

Сегодня Большое Кино — это максимум 5-6 картин в год на весь мир. Всё остальное — «фастфуд», набивание желудка с последствиями не только для желудка, но и для разума

Например, начали вы Толстого — прочитайте хотя бы несколько книг подряд, тогда поймёте суть Автора. Или фильмы Нолана: посмотрите несколько его картин подряд, вы поймёте, с каким Автором имеете дело. Другой пример — фильмы Тарантино, которые мне нравятся, но не все. Но если появится его новый фильм, я обязательно его посмотрю. Совсем не факт, что фильм мне понравится, но я всё равно посмотрю, потому что мне интересен этот Автор.

Сегодня Большое Кино — это максимум 5–6 картин в год на весь мир. Всё остальное — «фастфуд», набивание желудка с последствиями не только для желудка, но и для разума. Зрители не особо голосуют за русское кино, потому что его не существует, как и национальной киноиндустрии.

На Ваш взгляд, что тормозит развитие отечественного кино?

Много факторов. Я проходил, как и многие кинематографисты, через множество унижений. Чтобы найти бюджет и снять кино — это одно унижение. Второе, страшное унижение — поставить его в прокат. Ещё не так давно все прокаты принадлежали американским компаниям процентов на 80, и всё было заполнено бессмысленными фильмами. И отечественный кинематографист не мог поставить своё кино в прокат. Было больно и унижительно слушать, что сейчас будет выходить такой-то киномусор, и поэтому «мы не можем вас поставить». Я снимал кино и с невероятным трудом выходил в прокат. Если бы не мои дружеские отношения с очень многими людьми, которым принадлежали кинотеатры, я бы, наверное, не смог.

Неужели нет надежды?

Надежда есть. Сегодня ситуация уже меняется в лучшую сторону. К примеру, есть платформы, которые работают по подписке в Интернете. Они приобретают картины и формируют здоровую конкуренцию в киноиндустрии. Если что, я всегда открыт к сотрудничеству с теми, кто готов выпустить хорошее кино.

А что бы Вы хотели показать в киноформате?

У меня большой пакет сценариев. Например, о женщинах Маяковского. Есть в планах снять фильм про Толстого и его семейные дела. Сценариев много, идей — ещё больше.

О «Модерне», актёрах и ядре аудитории

Кто стал Вашим проводником в мир театра?

Театром я начал заниматься благодаря Петру Фоменко. Я не любил театр. Но познакомился с Петром Наумовичем — а его актёры снимались во всех моих картинах — и стал ходить к нему в театр, фактически он стал мне как отец. Я пересмотрел своё отношение к актёрам и к театру. Я увидел в его спектаклях, что театр, оказывается, может быть не скучным. Театр может быть про людей. Ведь люди приходят не на артистов посмотреть, а разглядеть себя на сцене. И я ненавижу, когда во время спектакля кто-то хлопает, честно. Зрителя должно захватывать происходящее на сцене, держать в напряжении до самого финала. А если раздаются аплодисменты в середине спектакля — всё, значит, плохой спектакль.

Вы с 2016 года руководите театром «Модерн». Вам было сложно перестроиться от кинопроизводства к специфике театральных постановок?

Я не очень люблю, когда кто-то говорит, что театр должен быть доступен всем. Когда театр доступен всем, люди перестают ценить качество. Настоящее искусство — это роскошь

Спектакли, как и фильмы, которые я снимал когда-то для зрителей, — разные. В отличие от кино, феномен театра заключается в том, что нельзя вычислить ядро аудитории. В тёмном зале на спектакле могут сидеть 16-летняя девушка, женщина 60 лет, бедный студент и человек из рейтинга Форбс. И до них нужно донести смысл происходящего на сцене. Кино проще, оно сегментировано: этот фильм для новичков, этот — для продвинутых, а здесь — для скучающих и так далее. Театр — более дорогое удовольствие. Я не очень люблю, когда говорят, что театр должен быть доступен всем. Когда театр доступен всем, люди перестают ценить качество. Настоящее искусство — это роскошь.

Каким спектаклем Вы гордитесь?

Я выпустил спектакль, которым очень горжусь, — «Цветы нам не нужны», про фашистскую Германию, про Нюрнбергский процесс и 20 лет тюрьмы Шпандау, где сидела верхушка и ближнее окружение Гитлера. Это единственный спектакль, где я выхожу на сцену и прошу зрителей приводить на спектакль своих детей, чтобы они видели, какой на самом деле была фашистская Германия, какие нелюди пытались перевернуть понятие о человеке и человечестве.

Когда мы только ставили спектакль, для которого Надя Селиванова, наша актриса, написала пьесу, мне раздавались звонки со всех инстанций со словами: «Юра, не время». А я до сих пор не понимаю, почему «не время» говорить о фашизме. Это же не просто что-то незнакомое и абстрактное — это то, что было буквально вчера. Но все забыли о главном судебном процессе XX века.

Я ужаснулся, когда прочитал материалы Нюрнбергского процесса, все 42 тома, хотя на русский переведено почему-то всего 7. Меня поверг в шок тот факт, что я, оказывается, ничего не знал о фашизме. Я очень ждал, когда Англия рассекретит документы по Гёссе, но они продлили гриф секретности ещё на 50 лет — тоже повод задуматься о том, что эти события не потеряли актуальности. Я нашёл охранника Гёссе, это полковник ФСБ в отставке Степанов, он охранял его в Шпандау. Русские и европейцы посменно охраняли второго после Гитлера человека. Так вот Степанов мне поведал, что Гёссе, которому было на тот момент 94 года, повесился на телефонном проводе. В тюрьме, в одиночной камере! Произошло это в английскую смену. Моё совершенно субъективное мнение: англичане боялись Гёссе, значит, ему было что сказать. И мы об этом говорим в спектакле «Цветы нам не нужны». Я пересмотрел своё отношение к фашизму, к этим монстрам, которые планировали не только уничтожение еврейской нации, но и славянского населения.

Зрителю нравятся такие серьёзные темы?

Я никогда не думаю, что буду делать для зрителя. Я всегда делаю то, что нравится мне. Выбираю темы, на которые хочу поговорить со зрителем, задать публичные вопросы, громко промолчать или тихо прокричать — всё зависит от моего внутреннего состояния. И никак не для того, чтобы удивить публику или отличиться от других театров. 98% спектаклей театра «Модерн» идут только в «Модерне», больше нигде.

Мы, кстати, первый театр в мире, получивший права на постановку антиутопического сатирического романа английского писателя Олдоса Хаксли «О, дивный новый мир».

Понимаете, у нас не будет спектаклей, как я называю, «ля-ля-ля, жу-жу-жу». Мы поднимаем очень важные и сложные темы. Театр — это как общение с умным старшим товарищем, у которого есть правила и уважение к себе.

Сегодня театр «Модерн» ставит 32 спектакля в месяц, все — на аншлаге. И главное в нашем театре — это люди, талантливые, гениальные актёры. Я рад, что мы нашли свою аудиторию, что зрителю нравится то, что мы делаем — я вижу это по кассе.

Кто для Вас идеальный актёр?

Идеальных не существует, это скучно. Актёры театра «Модерн» — однозначно лучшие. Я не хвалю сам себя, но считаю, что объективен, потому что достаточно избалованный великими и прекрасными актёрами режиссёр. В «Модерне» собрались универсальные актёры. Например, у нас есть прекрасный Александр Колесников, утром играет зайчика на детском спектакле, а вечером — Пьера Безухова. Это совсем другой уровень существования и образа жизни актёра, мастерство перевоплощения.

Правда, что в театре «Модерн» планируются кинопоказы?

Да, в сентябре будет премьера киноверсии спектакля «Война и мир». Это беспрецедентный случай в мировой практике театров.

Два раза в месяц будет идти спектакль «Война и мир», а в малом зале — его киноверсия. Это всё равно спектакль, но у него свой кинематографический язык.

Как родилась такая идея?

Помните, когда была пандемия, многие театры стали выкладывать на «Ютубе» свои спектакли? Безумно скучно. Причём некоторые спектакли я видел вживую, и они хорошие. А когда я их увидел на видео, это было невозможно смотреть: количество оптики и камер не определяет качество телесериала. Я долго к этому шёл, и мне кажется, всё-таки изобрёл новаторский подход к съёмкам спектаклей. Я считаю, что если есть в руках подобный киноинструмент, надо его использовать.

Спектакль «Война и мир» — это 70 человек на сцене, звучит хор имени Свешникова, 423 костюма, исторические кружева, военная амуниция. Невероятно и зрелищно! Но когда вы посмотрите киноверсию — удивитесь, насколько разным будет восприятие. В театре вы же не видите крупный план, и даже средний план не видите. Моим знакомым, которые несколько раз побывали на спектакле, я в качестве эксперимента показал отрывок из киноверсии — они были поражены, потому что никогда так близко не видели актёров.

О новом сезоне, шикарном джазе и лучшем буфете
Какие идеи планируете воплотить в новом 37 сезоне? Что ждёт зрителя?

Мы стартуем 14 августа, потихоньку начинаем играть. Официально новый 37 сезон начнётся в сентябре.

Стартуем очень важной премьерой, неожиданной — это Джордж Оруэлл, «Скотный двор». Яркое произведение, которое как никогда бьётся с повесткой дня.

В конце прошлого сезона начались репетиции, и я был приятно удивлён выступлением министра иностранных дел

России Сергея Лаврова в ООН, когда он в своей речи упомянул «Скотный двор» Оруэлла. Значит, я не ошибся с темой, она витает в воздухе и держится в сознании людей. И главное — я хочу поговорить со зрителем о том, что есть революция, о подверженности влиянию и той тонкой, зыбкой грани, разделяющей человека и животное. Ведь человека делает человеком образование и культура. Если человек не занят образованием и культурой, то остаётся на том уровне, на каком пришёл в этот мир — уровне самого жестокого млекопитающего в природе.

Произведение Оруэлла сложное. Играть животных, свиней, с одной стороны, не так трудно, а с другой — это не детский спектакль с милыми поросятами и не «цыплёнок табака» Ярмольника. Это трагическая антиутопия, непростая сценически и для исполнителей тоже.

Ещё зрителя ждёт премьера спектакля «Магнолия». Автор — Михаил Барщевский. Я давно хотел поставить детектив. Михаил написал спектакль с небольшим интерактивом, в котором, кстати, будет играть сам.

В продаже есть билеты на открытые репетиции. Насколько они востребованы?

Открытые репетиции — это не шоу. Это то, что нам важно: мы видим первые эмоции людей от постановки. Зрители могут подглядеть, подслушать, как всё происходит, а в конце — пообщаться и сфотографироваться. Билеты на открытые репетиции быстро раскупаются, они доступны всем.

Скажите, а все организаторские решения в театре — например, дресс-код или музыка в фойе — это новое или хорошо забытое старое?

В детстве мне бабушка говорила, что в России переодеваются в два места — в церковь и в театр. У нас мягкий дресс-код, он называется А-5, то есть after five — после пяти вечера. Сейчас он носит рекомендательный характер, я не могу устанавливать запреты. Но процентов 70 зрителей нашего зала следуют ему и поддерживают традицию.

Наши постоянные зрители знают, что перед началом спектаклей в фойе театра играет пианист. Живая музыка — неотъемлемая часть атмосферы «Модерна». А с недавнего времени мы стали устраивать сюрпризы — на фортепиано играет удивительный человек, потрясающий пианист, джазовый виртуоз, чьё имя широко известно в музыкальных кругах, — Тони Карапетян. Яркий музыкальный вечер перед спектаклем, без дополнительных трат. Поэтому рекомендую приходить пораньше, за час до спектакля, к 18:00.

Шикарный музыкальный подарок! Но все ли поймут?

Время от времени вспоминаю историю, которую мне рассказали мои итальянские друзья. В Риме есть один отель, а при нём ресторан — обычный, в общем, итальянский ресторанчик, уютный, с хорошей кухней и приятной атмосферой. Так вот, в этот ресторан периодически наведывается... Челентано. Говорят, ему нравится это место. Зайдёт, что-то сыграет на рояле, посидит немного и уйдёт. Оставив публику в состоянии восторженной оторопи. Ни в коем случае не сравниваю себя с великим Адриано, но очень его понимаю и целиком поддерживаю это правило — делать неожиданные подарки публике.

Я воспринимаю театр как дом — мой, артистов, всех, кто в нём трудится. Приглашая вас в театр, мы зовём вас

Я воспринимаю театр как дом — мой, артистов, всех, кто в нём трудится. И, приглашая вас в театр, мы зовём вас к себе домой. Поэтому мы стараемся, чтобы наш дом выглядел красиво, интересно, ново, чтобы каждый раз он производил на вас особое, яркое впечатление

к себе домой. Поэтому стараемся, чтобы наш дом выглядел красиво, интересно, ново, чтобы каждый раз он производил на вас особое, яркое впечатление. Мне важно, чтобы зритель стремился увидеть весь репертуар, и для этого созданы все условия: от буфета до сцены. Кстати, у нас лучший театральный буфет в Москве.

Совсем скоро в фойе появится большое живописное полотно на холсте. Академик изящных искусств, прекрасный художник и друг нашего театра Игорь Каменев сейчас пишет огромное полотно, которое будет встречать зрителя в холле. Знаете, в каждом театре есть групповое фото. Мне показалось, что в нашем случае это было бы слишком ожидаемо, поэтому для театра мы решили сделать полотно маслом 2,40 на 1,70, где актёры запечатлены в образах, в которых играют в «Модерне».

О стенах «Гнесинки», юных умах и людях №1 в кино

Вскоре Вы возглавите направление «Кино- и телепроизводство» в Школе имени Гнесиных. И своей сверхзадачей Вы поставили возродить образование, подобное тому, что было в эпоху Возрождения. Посильная ли задача?

Образование эпохи Возрождения подразумевает воспитание человека разностороннего. Кино и театр тоже предполагают широкий спектр знаний и интересов. Я работал с великими операторами: Георгий Рерберг, Юра Клименко, Лёша Родионов. Большие профессионалы и рисуют, и фотографируют, и снимают, и пишут стихи. То есть усиливают свои творческие стороны, расширяют кругозор. Это важно. Только такое образование формирует полноценного, всесторонне развитого человека. Только такие люди способны создавать, творить, только они способны двигать общество вперёд.

Всегда и при любых обстоятельствах я следую одному правилу: откликаюсь не на идею, не на «проект», а на людей. Для меня важно, кто стоит за этим проектом. И на меня произвели глубочайшее впечатление те, кто стоят за этой прекрасной идеей. Михаил Сергеевич Хохлов, директор Школы имени Гнесиных, предложил мне возглавить направление «Кино» в рамках учебной программы школы. Конечно, я согласился.

Меня поразило само здание, интерьеры, то, насколько там всё с любовью и вкусом обустроено. В здании девяносто шесть роялей Steinway. Девяносто шесть! Это школа — не музей! Дети в её стенах чувствуют себя абсолютно естественно, нет никакой чопорности, я почувствовал очень правильный дух — дух творчества и свободы.

И атмосфера высокой музыкальной культуры, которая царит в стенах школы, — это прекрасный фундамент для подобного образования. Ребята, погружённые в эту атмосферу, растут прежде всего как творческие личности — что может быть важнее? Имея такой фантастический фундамент, они смогут многое привнести в профессию.

Сегодня в российском кинопроизводстве некому снимать хорошее кино. И речь тут не только о режиссёрах или актёрах. Не хватает специалистов «среднего звена», тех, на ком вся индустрия держится, как на каркасе, — помощников режиссёров, ассистентов, звукооператоров. Именно они становятся людьми №1 на съёмочной площадке.

Любой поступок, который совершается публично, — а кино это публичный поступок — уже педагогика.

Они будут осваивать азы ремесла. Они поймут, как кино делается, что стоит за той или иной кинопрофессией. Они настроят свой внутренний фокус на настоящем кино, научатся оценивать качество фильмов — правильно с профессиональной точки зрения, а не с помощью формулы «прикольное кино». У тех, кто привык делить кино на «прикольное и не прикольное», никогда не получится создать что-то настоящее

Мы настроены на довольно серьёзное образование и ищем по-настоящему интересующихся кинематографом детей. Мы сформировали пул педагогов, есть учебная программа. И мы в сентябре это запускаем.

Как попасть к Вам на курс?

На курс попасть непросто. Образование бесплатное, но я решил набрать всего 12 человек. Некоторые родители падали в обморок, услышав один из вопросов для собеседования, когда нужно выбрать из десяти имён великих кинорежиссёров двоих и рассказать, чем один отличается от другого. Для родителей это оказалось сложным вопросом. Что ж, для кого это невозможно, для того открыты другие пути и возможности. А мы будем ориентированы на тех, кому есть что сказать.

Какими Вы видите своих выпускников?

Как ни банально и горько прозвучат мои слова, но моя главная цель — чтобы мои выпускники принесли в российский кинематограф культуру. Ту самую культуру, которая так выгодно отличала старое советское кино и которую мы так пошло «разменяли по рублю», если цитировать Высоцкого. Какие это будут звукорежиссёры, подумайте только! Они смогут наконец научиться снимать музыкальные концерты, чего сегодня у нас не умеет никто! Такой специализации внутри цеха просто нет.

Конечно, школой всё не должно заканчиваться. И тут я остаюсь верен себе и настроен оптимистично. Я уверен, наши выпускники выведут конкуренцию при поступлении в творческие вузы на совершенно новый уровень. Но даже после окончания нашей школы они смогут сразу идти в профессию, зарабатывать деньги и нарабатывать опыт.

Какие цели я ставлю перед собой как руководитель этого направления? За первые год-два я хочу, чтобы наши ученики стали, прежде всего, квалифицированными зрителями, чтобы понимали, что такое Большое Кино. Параллельно на уроках профессионального мастерства они будут осваивать азы ремесла. Они поймут, как делается кино, что стоит за той или иной кинопрофессией. Они настроят свой внутренний фокус на настоящее кино, научатся оценивать качество фильмов — правильно с профессиональной точки зрения, а не с помощью формулы «прикольное кино». У тех, кто привык делить кино на «прикольное и не прикольное», никогда не получится создать что-то настоящее.

Я пригласил в пул преподавателей уникальных мега-профессионалов из мира кинематографа. Это удивительные, штучные люди, которые внесли огромный вклад в создание феномена советского кино. Операторское мастерство, например, будет преподавать Мария Соловьёва — мастер высочайшего уровня, обладатель огромного количества профессиональных наград. Ещё одно имя — Эдуард Гимпель, выдающийся советский и российский кинооператор, настоящая легенда «Мосфильма», гуру цветокоррекции, работавший, наверное, со всеми великими режиссёрами и приложивший руку процентам к семидесяти фильмов советского периода. Появится дисциплина «Работа актёра с режиссёром и режиссёра с актёром», её вести будет артист Юрий Анпилогов. Ни в одном вузе это не преподают.

Когда меня спрашивают, что нужно делать, чтобы реанимировать отечественное кино, я всегда говорю, что нужно начать заниматься детьми. Буквально со школьной скамьи. И как же я счастлив, что эти мечты становятся реальностью! ■